

Фуко, Группа информации по тюрьмам и парадоксы политики истины

Илья Матвеев

Неприкосновенный запас № 88 (2/2013)

Общественный подъем, или, если выразиться осторожнее, пробуждение публичной политики, неизбежно ставит вопрос об ответственности интеллектуалов. Это значит, что вновь становятся актуальными дилеммы и трудности, преследующие любую попытку ангажированного политического участия интеллектуалов. В сложившихся условиях, с нашей точки зрения, полезно обратиться к ключевому эпизоду в активистском опыте Мишеля Фуко – Группе информации по тюрьмам – и его размышлениям об этом опыте, которые могли бы служить ориентиром в «конкретном анализе конкретной ситуации», столь необходимом сейчас. Этот текст преследует три задачи: проследить основные этапы истории Группы информации по тюрьмам, проанализировать концепцию ангажированности, сформулированную Фуко в этот период, и выявить проблемы и ограничения этой концепции.

Группа информации по тюрьмам

Общественная ситуация во Франции после событий мая–июня 1968 года характеризовалась новыми, крайне разнообразными формами и стратегиями политического участия интеллектуалов, отличными от доминировавшей в послевоенный период деятельности в рамках Французской коммунистической партии. Значительная часть этих стратегий кристаллизовалась вокруг *Пролетарской левой, маоистской организации*, образованной двумя группами: «Движением 22 марта», история которого восходит к оккупации студентами Университета Нантера 22 марта 1968 года, и Союзом молодых коммунистов марксистов-ленинцев, созданным студентами Высшей нормальной школы, многие из которых были учениками Альтюссера.

27 мая 1970 года *Пролетарская левая* была распущена правительством, тогда же начался судебный процесс над редакторами газеты «La Cause du peuple» («Дело народа»), издававшейся этой

организацией. В последующие месяцы сотни активистов *Пролетарской левой* были арестованы. Так во Франции появился слой политических заключенных.

По замечанию Даниэля Дефера, стоявшего у истоков Группы информации по тюрьмам, изначально стратегия защиты, избранная ушедшими в подполье лидерами *Пролетарской левой*, была традиционной для коммунистических движений: обратиться за помощью к известным интеллектуалам и использовать их авторитет^[11]. Так, Жан-Поль Сартр, в конце 1960-х сблизившийся с маоистами, стал редактором «Дела народа» и основал новое издание «J'accuse» («Я обвиняю»), названное в честь знаменитой статьи Эмиля Золя в поддержку Альфреда Дрейфуса. Симона де Бовуар возглавила созданное в июне 1970 года Общество друзей «Дела народа». Тогда же была возрождена «Красная помощь»^[21], объединившая французских левых, в том числе коммунистов – участников Сопротивления, для защиты политических заключенных.

В то же время некоторые эпизоды поддержки *Пролетарской левой* с участием Сартра несли в себе новаторские черты. В феврале 1970 года взрыв метана на шахте Фукуьер-де-Ланс унес жизни 16 горняков. В декабре того же года запрещенная к тому моменту *Пролетарская левая*, а также «Красная помощь» провели «народный суд» над властями и владельцами шахты. Сартр выступал на нем в роли прокурора. Существенно, что на этом импровизированном суде использовались «показания» врачей, свидетельствовавших о катастрофическом положении дел с безопасностью и гигиеной труда на шахтах. Таким образом, экспертное знание врачей противопоставлялось власти. Этот пример, с одной стороны, повлиял на рассуждения Фуко о народном правосудии в разговоре с Пьером Виктором (Бернаром-Анри Леви), в тот момент одним из лидеров *Пролетарской левой*^[31], с другой, – вдохновил Дефера на то, чтобы использовать подобную тактику привлечения экспертов (социальных работников, врачей, адвокатов) для выяснения и придания огласке ситуации во французских тюрьмах^[41]. С этой идеей Дефер и обратился к Фуко. С конца 1970 года велась подготовка к ее реализации.

8 февраля 1971 года на пресс-конференции после завершения второй по счету голодовки политзаключенных – членов *Пролетарской левой* и голодовки членов Общества друзей «Дела народа» в их поддержку Фуко зачитал манифест Группы информации по тюрьмам

(ГИТ, название, по замечанию Дефера, было выбрано им самим). Целью группы, по словам Фуко, было следующее:

«Узнать, что есть тюрьма: кто туда попадает, как и почему туда попадают, что там происходит, что такое жизнь заключенных, а также жизнь персонала, что представляют собой здания, как там питаются, как соблюдается гигиена, как применяются Правила внутреннего распорядка, как осуществляется медицинский контроль, как поставлена работа мастерских, как оттуда выходят и что значит в нашем обществе быть одним из тех, кто оттуда вышел»^[51].

В то же время – и это принципиальный момент, отраженный в манифесте, – данные должны были быть получены не из официальных источников, а от «тех, кто имеет собственный тюремный опыт в каком бы то ни было качестве или связан с тюрьмой» (эта формулировка объединяла заключенных, бывших и нынешних, социальных работников, врачей, адвокатов и так далее)^[61]. В манифесте также отмечалось, что задача ГИТ – не реформировать тюрьму, но лишь придать огласке то, что там происходит. Вот, что писал об этом Александр Бикбов:

«Манифест представляет собой достаточно традиционный правозащитный текст с единственной принципиальной оговоркой: этот манифест не говорит о норме. Люди, которые его создали, не пытались отнестись реальность тюрем к тому, какими, по их мнению, тюрьмы должны быть и как они должны функционировать»^[71].

С точки зрения Бикбова, именно этот момент во многом определил направление деятельности и успех инициативы.

Группа была анонимной, но манифест, размноженный на ротаторе, был подписан Фуко, Жаном-Мари Доменаком, участником Сопротивления и редактором журнала «Esprit», и Пьером Видаль-Наке, историком античности, известным своим разоблачением пыток, применявшихся французской армией во время войны в Алжире.

Активисты ГИТ составили анкету и с помощью семей заключенных, скрывая это от администрации и фактически действуя нелегально, распространили ее в тюрьмах. Число групп ГИТ быстро росло,

каждая из них работала с конкретной тюрьмой, изначально – с теми из них, где содержались политзаключенные – члены *Пролетарской левой*, однако очень скоро ГИТ стала заниматься всеми заключенными, а не только политактивистами. Анкета включала вопросы об условиях содержания, разбитые на группы «Свидания», «Письма», «Ваши права», «Камера», «Прогулки», «Питание», «Столовая», «Отдых», «Работа», «Медицинское обслуживание», «Дисциплина». В конце анкеты было оставлено свободное поле для любых замечаний опрашиваемого^[8]. В конце мая 1971 года на основе заполненных анкет, полученных активистами, была издана первая брошюра ГИТ «Исследование 20 тюрем»^[9].

При составлении анкеты активисты ориентировались на опыт, полученный при проведении опросов рабочих у заводских проходных. Сам этот опыт был вдохновлен «Анкетой для рабочих», составленной Марксом для французского журнала «*La Revue socialiste*» в 1880 году. По словам Дефера, «моделью было рабочее исследование Маркса»^[10]. Анкета, содержащая 100 вопросов, преследовала декларируемую самим Марксом цель «точного и определенного знания тех условий, при которых работает и приходит в движение рабочий класс»^[11]. В то же время этот подход вызывал и критику, озвученную, например, Мартой Мало де Молиной:

«[Анкета] открыто занимает одну из сторон (сторону действительности рабочих) и ставит вопросы, которые социолог-эмпирик расценил бы как предвзятые. Ее суть не в том, чтобы выхватить факты из непосредственного опыта, наоборот, в первую очередь она направлена на то, чтобы побудить рабочих критически задуматься об их конкретной действительности»^[12].

Интересно сравнить это с целями ГИТ. С одной стороны, в тексте, прилагавшемся к анкете, отмечалось, что это «не социологическое исследование, не исследование-любопытство, это исследование невыносимого»^[13]. Авторы анкеты так же открыто занимали сторону действительности заключенных, как Маркс занимал сторону действительности рабочих. Но для Фуко речь шла не столько о том, чтобы побудить заключенных «критически задуматься об их конкретной действительности», то есть повысить их сознательность, сколько о том, чтобы способствовать самой артикуляции, выражению того знания, которое у них уже есть, и распространить это знание в обществе, сделав его политическим:

«Мы не претендуем на то, чтобы помочь осознать заключенным и их семьям те условия, которые для них созданы. Они давно все осознали, но у них нет способа выразить свое понимание. Понимание, реакция, возмущение, размышления – все это существует на уровне индивидуума, но до сих пор не проявлено вовне... Надо, чтобы информация переливалась через край; индивидуальный опыт надо трансформировать в коллективное знание, то есть в знание политическое»^[14].

Всего ГИТ выпустила четыре брошюры в серии «Невыносимое». Первой была «Исследование 20 тюрем», следующей – «Исследование ГИТ образцовой тюрьмы: Флери-Мерожи»^[15]. В этой брошюре рассказывалось об устройстве типичной тюрьмы нового типа, построенной в 1960-х годах. Третьим изданием ГИТ было «Убийство Джорджа Джексона»^[16], посвященное молодому афроамериканцу, уже в тюрьме политизировавшемуся и вступившему в Партию черных пантер после встречи с ее лидером Хьюи Ньютоном. Издание снабжено предисловием Жана Жене и содержит несколько интервью Джексона, в которых он говорит о политическом значении движения заключенных, а также некоторые документы, опубликованные после его смерти. Наконец, четвертым и последним изданием ГИТ в серии «Невыносимое» была брошюра «Самоубийства в тюрьме»^[17], посвященная серии самоубийств, прокатившихся по французским тюрьмам после ужесточения режима, последовавшего за волнениями заключенных зимы 1971–1972 годов. Помимо этого, активисты ГИТ написали десятки статей и дали множество интервью, а Группа проводила различные кампании, например, за отмену справок о судимости, и устраивала массовые акции.

В декабре 1972-го Группа самораспустилась (хотя часть локальных объединений в рамках ГИТ действовали до июня следующего года), уступив свою роль организации, созданной самими заключенными, – Комитету действий заключенных. Эта новая группа приступила к изданию своего журнала (Дефер и Фуко участвовали в подготовке первых номеров) и просуществовала до 1980 года. Часть активистов ГИТ влилась в еще одну новую организацию, носившую более официальный характер, – Ассоциация защиты прав заключенных.

Одри Кифер удачно сформулировала два ключевых принципа ГИТ: принцип информирования и принцип распространения. Первый заключался в стремлении «пролить свет на то, что происходит в этих темных зонах», то есть в тюрьмах^[18]. Второй – в том, чтобы

максимально распространить полученную информацию, передавая ее вовне (обращаясь к широкой общественности) и обеспечивая ее циркулирование внутри (между заключенными и между активистами). Причем такое распространение вклинивалось в существовавший в обществе порядок коммуникации и создавало в нем брешь.

Фуко видел задачу ГИТ не только в артикуляции знания о тюрьме, которым обладали сами заключенные, но также в выражении и распространении опыта профессионалов, связанных с тюрьмой: социальных работников, адвокатов, врачей, психиатров. Основатели ГИТ нашли союзников в лице адвокатов, критически настроенных по отношению к существовавшей во Франции системе правосудия и уже имевших опыт сотрудничества с *Фронтом национального освобождения* – организацией, борющейся за освобождение Алжира^[19]. Однако настоящим прорывом в этом отношении был доклад Эдит Роз – психиатра тюрьмы Ней в городе Туль – о ее опыте и об условиях содержания заключенных. Доклад был отправлен президенту Франции Жоржу Помпиду, генеральному инспектору исправительных учреждений, министру юстиции, президенту Национального совета коллегии врачей. Накануне, 5 декабря 1971 года, заключенные тюрем подняли бунт. Волнения были подавлены силами правопорядка. В своем докладе Роз свидетельствует о бесчеловечных условиях содержания в тюрьме (заключенных неделями держат привязанными к кроватям, отказывают им в лекарствах, которые Роз как врач им прописывала), частых попытках суицида заключенных.

Характерны те усилия, которые предприняли активисты ГИТ для того, чтобы максимально распространить свидетельство Роз. Доклад был зачитан Фуко на пресс-конференции 16 декабря, частично опубликован в «Деле народа», частично – в «Монд», где Фуко и другие активисты сообща купили рекламную полосу, наконец, в журнале «Psychiatrie d'aujourd'hui» («Психиатрия сегодня»).

На пресс-конференции 5 января 1971 года Фуко подчеркнул: смелость Эдит Роз в том, что она не просто подвергла критике тюрьму как институт, но описала свой конкретный опыт. Ее положение характеризуется тем, что этот опыт и это знание о той власти, которая реализуется в тюрьме (Фуко настаивает, что это именно общее функционирование власти, а не просто чьи-то индивидуальные проступки), она выразила, сама находясь в системе власти и осуществляя власть через знание. Этим она «разожгла

пламя и нарушила великое табу»^[20]. Поступок Роз представляется Фуко настолько значительным, что он заявляет: «Речь тюрьмы Туль», возможно, станет, важным событием в истории исправительных и психиатрических учреждений»^[21]. Этот случай является парадигматическим для теории ангажированного знания и концепции «специфических интеллектуалов» Фуко. К характеристике этой концепции мы и должны перейти.

«Новое соотношение теории и практики»

4 марта 1971 года, через два месяца после выступления Фуко на пресс-конференции в защиту доклада Эдит Роз, была записана его беседа с Жилем Делёзом, озаглавленная «Интеллектуалы и власть» (Делёз принимал эпизодическое участие в работе ГИТ). Этот многократно цитируемый текст – центральное свидетельство о той форме ангажированности, которую отстаивал Фуко, и о ее близости к теоретической/практической тактике Делёза, воплощением которой, в частности, была книга «Анти-Эдип» (1972), готовившаяся совместно с Феликсом Гваттари в тот момент, когда состоялась упомянутая беседа с Фуко^[22].

Делёз говорит о себе и Фуко: «Мы как-то по-новому осмысляем соотношение теории и практики»^[23]. Прежде, по мысли Делёза, практика понималась или как применение теории, ее следствие, или как нечто, вызывающее теорию к жизни. В любом случае речь шла о «тотализации» (здесь уместно вспомнить о «тотальности» как ключевом концепте в западном марксизме, начиная с Лукача). Однако отныне теория всегда локальна, соотнесена с некой «собственной областью», и развитие теории в этой области сопряжено с преодолением преград, одновременно дискурсивных и институциональных, которое само по себе является практикой. Высвободив голос заключенных, Фуко и ГИТ как раз осуществили такое действие, одновременно теоретическое и практическое. «Для нас, – говорит Делёз, – теоретик-интеллектуал перестал быть субъектом, представителем чьей-то совести или олицетворением чьего-либо сознания»^[24]. Делёз настаивает на том, что «представительства больше нет, есть лишь действие, действие теоретическое, действие практическое, находящиеся в отношениях перехода или сплетения»^[25]. Деятельность ГИТ – это не представительство заключенных, не речь от их лица, а передача голоса самим заключенным, локальная операция в некой точке перехода (продолжая пространственную аналогию, характерную и

для Делёза, и для Фуко, можно сказать, что эта точка – стены тюрьмы), создающая очаг сопротивления, контрвласти.

Фуко в своем ответе помещает такую концепцию теории/практики в исторический контекст. Он отмечает, что события мая–июня 1968 года выдвинули новые требования к интеллектуалам:

«...Интеллектуалы поняли, что массы ради знания в них уже не нуждаются. Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо все знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить»^[26].

Но это знание блокируется системой власти (которая сама по себе выступает одновременно как система институтов и как система знаний), в которую входят и сами интеллектуалы как обладатели монопольного права на истину, поэтому настоящая политическая роль интеллектуалов не в том, чтобы высказывать истину за других и для других, а в том, чтобы вести борьбу «в самом строе “знания”, “истины”, “сознания”, “дискурса”»^[27]. Интеллектуал, таким образом, не может быть «в стороне», располагаться в некоем внешнем пространстве, откуда он «привносит сознание» (например, классовое) – он должен присоединиться к борьбе тех, кто выступает против власти, и бороться с ними бок о бок, причем теория, понимаемая таким образом, – орудие в этой борьбе.

Далее Делёз дает свое знаменитое определение теории как «ящика с инструментами» и формулирует этическое значение отказа от представительства – отказа, который он разделяет с Фуко:

«Вы были первым, кто как своими книгами, так и практической деятельностью научил нас одной из основополагающих вещей: что говорить за других – это подлость. Я хочу сказать, что мы высмеиваем представительство, везде говорим, что с ним покончено, но из подобного “теоретического” обращения не делается никакого практического вывода, а именно: что теория требует, чтобы люди, которых что-либо затрагивает, на практике стали говорить сами за себя»^[28].

Очевидны параллели между этим разговором и выступлением Фуко в защиту Эдит Роз. Для Фуко Роз, несомненно, была тем интеллектуалом, который в своей локальной области (заданной и институционально – исправительное учреждение, и дискурсивно –

порядок психиатрического дискурса) обратил знание против власти, освободив его от той роли, которая была ему предписана в системе осуществления власти. При этом Роз не говорила ни от чьего лица, не претендовала на выражение какой-либо универсальной истины и описывала только свой опыт. Таким образом, ее доклад был той новой формой соотношения теории и практики, которую стремились зафиксировать и описать Фуко с Делёзом.

Идеи, высказанные Фуко и Делёзом, получили развитие в разговоре Фуко с итальянскими исследователями Алессандро Фонтана и Паскалем Паскино, впервые опубликованном на итальянском языке в 1977 году. На последний вопрос Фонтана и Паскино: «Если речь не идет об “органическом” интеллектуале, выступающем представителем некой глобальной организации, интеллектуале, выполняющем функцию носителя и хранителя истины, какую позицию должен занимать интеллектуал?»^[29] – Фуко счел необходимым ответить письменно.

В своем развернутом ответе Фуко проводит различие между «универсальным» и «специфическим» интеллектуалом. Он выделяет в качестве традиционной для французских левых модель, заимствованную из «вульгарного марксизма», согласно которой пролетариат с необходимостью выступает носителем универсального, но в непосредственной, почти бессознательной форме, тогда как интеллектуал, совершая моральный, теоретический и политический выбор, стремится стать носителем универсального в сознательной и развитой форме: «Интеллектуал якобы выступает отчетливым и персонифицированным выразителем той всеобщности, чьим темным и коллективным образом является пролетариат»^[30]. (Добавим, что при такой трактовке Французская коммунистическая партия выполняет роль «коллективного интеллектуала» Грамши^[31].)

В то же время Фуко утверждает, что была выработана новая форма соотношения теории и практики, при которой интеллектуалы выступают носителями не универсальной истины, но специфических знаний в локальных областях, связанных с условиями их работы или жизни (жилье, больница, психиатрическое учреждение, лаборатория, университет, семья, сексуальные отношения). Таких интеллектуалов, чья работа и борьба именно как интеллектуалов связана не с представительством/выражением универсального, но с локальными областями, где их знание напрямую относится к практике, Фуко называет специфическими интеллектуалами. Эта идея, несомненно,

зародилась у Фуко в период работы ГИТ и впервые была сформулирована им в разговоре с Делёзом в 1972 году.

Фуко развивает эту идею. Так, он указывает на то, что писательство как некая автономная активность свободного субъекта уже не отличает политизированного интеллектуала. Вместе с этим исчезает и оппозиция между интеллектуалом как автором и интеллектуалом, выполняющим техническую функцию на службе у государства или капитала, поскольку эта «техническая функция» сама по себе политизируется и становится ареной борьбы.

По Фуко, фигура специфического интеллектуала возникает после Второй мировой войны, и символом перехода от универсального к специфическому качеству становится Роберт Оппенгеймер, американский физик-ядерщик, принимавший участие в Манхэттенском проекте и после войны использовавший свою позицию главы Комиссии США по атомной энергии для лоббирования международного контроля над ядерной энергией с целью предотвращения гонки вооружений. Фуко указывает, что Оппенгеймер, с одной стороны, был непосредственно связан с научным знанием и институциями, мог действовать в этой локальной области, а с другой, поскольку проблема ядерного оружия затрагивала судьбу всего мира, его дискурс имел шанс стать дискурсом универсального.

Фуко находит истоки позиции универсального интеллектуала в роли юриста – человека, связанного с универсальностью права, а ее предельное выражение – в фигуре писателя. При этом возникновение фигуры специфического интеллектуала является для Фуко историческим фактом, причины которого связаны с «развитием в современном обществе технологических и научных структур»^[32], то есть технократической революцией, характерной для западных обществ.

В то же время Фуко признает риск политической изоляции специфических интеллектуалов, их неспособности выйти за пределы локальных конфликтов. Именно это, по Фуко, произошло с борьбой вокруг тюремной и юридической системы во Франции, поскольку она «все более отчуждалась от всего того, что могло бы способствовать ее расширению»^[33].

Эти рассуждения завершаются рядом обобщений, касающихся роли истины в западных обществах; из этого текста, а особенно из его

связи с активистским опытом Фуко, которую мы продемонстрировали, заметно, насколько идеи Фуко о власти, знании и истине переплетены с конкретными политическими обстоятельствами и стратегиями. «Истина – дитя мира сего»: она производится посредством множественных ограничений, она же порождает регулярные эффекты власти^[34]. Политическая роль интеллектуала, таким образом, состоит не в борьбе «от имени» истины, но в борьбе «за истину», «вокруг истины»: вокруг того режима и аппарата истины, который существует в обществе. Фуко называет такую борьбу «политикой истины»^[35].

Прежде, чем мы перейдем к анализу этих положений, отметим, что они формировались не только в ходе теоретической работы и на ее пересечении с политической практикой, но и в полемике с левыми интеллектуалами, выражавшими альтернативные стратегии ангажированности. Так, и разговор с Делёзом 1972 года, и интервью 1977-го отмечены незримым присутствием двух фигур – Сартра и, не столь очевидным образом, но с не меньшими последствиями, Альтюссера.

С самого начала кампании в поддержку *Пролетарской левой* Сартр действовал в рамках той стратегии политического участия интеллектуалов, альтернативу которой стремился найти Фуко. Назвав свою новую газету «Я обвиняю», Сартр открыто солидаризовался с традицией Золя, традицией дрейфусаров, которой посвящена значительная часть рассуждений Фуко в интервью 1977 года. Особенно ярко этот контраст проявился во время той самой пресс-конференции 5 января 1971-го, на которой Фуко защищал доклад Эдит Роз. Наряду с выступлением Фуко тогда прочли послание Сартра. Если Фуко стремился продемонстрировать важность голоса самих заключенных, озвучив шесть требований, которые они сформулировали и передали через ГИТ, важность голоса тюремного психиатра Эдит Роз, то Сартр оперировал универсальными категориями «справедливости», «революции» и задавался вопросом: не является ли восстание заключенных «началом нашей борьбы против репрессивного режима, который включает всех нас – даже тех, кто не сидит в тюрьме, – во вселенную концентрационного лагеря?»^[36]. Таким образом, Сартр выступал как носитель универсального, осеняющий своим возмущением эту конкретную борьбу, тогда как Фуко отстаивал право самих участников борьбы говорить от своего лица. «Фуко тогда заметил: жаль, что “Ле Монд” посвятила столько места Сартру, но не упоминает о требованиях заключенных»^[37]. В целом, в фигуре

«универсального интеллектуала», о которой говорил Фуко, нетрудно узнать Сартра.

Альтюссер, со своей стороны, был выразителем доминировавшего в определенный момент среди части академических левых отношения к науке, идеологии и истине, которое Жак Рансьер обозначил как «ультралевый платонизм»^[38]. Известное замечание Фуко направлено против Альтюссера:

«Главная политическая задача интеллектуала состоит не в том, чтобы критиковать сопряженные с наукой идеологические положения или же действовать так, чтобы его научная деятельность сопровождалась правильной идеологией»^[39].

Несмотря на то, что, как мы показали в другом месте^[40], взгляды Альтюссера менялись и к 1977 году, когда были сказаны эти слова, его позиция была достаточно близка к тому, о чем говорил Фуко, в целом «альтюссеризм» как научное и политическое явление ассоциировалось именно с теми идеями, которые Фуко подвергает критике. Эти идеи были характерны для Альтюссера в 1960–1966 годах, в период «теоретического уклона», и заключались в необходимости демаркации науки и идеологии, отождествлении марксизма с наукой, а также в предписывании университету и Французской коммунистической партии роли «проводников» очищенного от идеологии, научного марксизма.

Теперь, когда мы продемонстрировали связь концепции «нового соотношения теории и практики» Фуко с деятельностью Группы информации по тюрьмам и определили ее место в ряду других форм ангажированности, характерных для французской интеллектуальной сцены, мы должны перейти к анализу парадоксов и противоречий, присущих этой концепции. Мы выделили три связанные между собой группы проблем. В характеристике двух из них мы будем опираться на критику Гайатри Спивак, в анализе третьей – на полемику, инициированную Нэнси Фрейзер и продолженную Юргеном Хабермасом. Не менее важный вопрос состоит в том, как эти проблемы соотносятся с деятельностью ГИТ.

Парадоксы политики истины

В своем крайне влиятельном эссе «Могут ли угнетенные говорить?» Гайатри Чакраворти Спивак указывает, что тезис Фуко, согласно которому заключенные обладают знанием и способностью к его

выражению, возвращает категорию конституирующего субъекта, которую Фуко многократно подвергал критике и стремился исключить из своего анализа^[41]. Действительно, в интервью 1977 года Фуко говорит следующее:

«[Необходимо] обходиться без конституирующего субъекта, избавиться от субъекта как такового, что означает: прийти к такой форме анализа, которая позволит описать конституирование субъекта в исторической перспективе. [...Генеалогия – это] форма истории, которая позволяет анализировать конституирование знаний, дискурсов, сфер объектов и т.д. без ссылок на субъекта, который выступает или в качестве трансцендентального по отношению к полю событий, или проходит сквозь течение истории в своей пустой самотождественности»^[42].

Но заключенные, и шире – «массы» (которые «сами прекрасно и отчетливо все знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить»^[43]), – в концепции Фуко и практике ГИТ выступают именно таким самотождественным субъектом, не произведенным, но всегда-уже-данным и прозрачным для самого себя. Стремление Фуко максимально исключить из своего анализа проблематику идеологии как «ложного сознания» (которая делает субъект и его (ложное) сознание «эффектом» внешних детерминаций) приводит к эссенциализации/субстанциализации угнетенных. Ведь тезис о том, что угнетенные являются источником знания и выражения этого знания, как раз и предстает такой «ссылкой на субъекта», конституирующего субъекта, которую Фуко считает абсолютно недопустимой.

Кроме того, заявляя о намерении позволить заключенным говорить от своего лица, – и это следующий тезис Спивак, – интеллектуалы представляют собственную позицию как прозрачную и нейтральную, что затем приводит ее к сокрушительному выводу:

«Интеллектуалы, которые не принадлежат к С/субъектам, становятся прозрачными в этой эстафетной гонке, ибо они попросту докладывают о нерепрезентированном субъекте и анализируют (не анализируя) операции власти и желания. [...] Банальность текстов левых интеллектуалов относительно

самопознания и политически искушенных угнетенных становится очевидной: репрезентируя их, интеллектуалы репрезентируют собственную прозрачность»^[44].

Это обвинение предстает лишь отчасти справедливым. Разговор Фуко с Делёзом в 1972-м действительно дает основания для такого прочтения, но в интервью 1975 года, опубликованном в «Ле Монд» относительно недавно (текст Спивак написан значительно раньше), Фуко занимает несколько иную позицию:

«С моей точки зрения, интеллектуал не имеет права ставить свой дискурс в более привилегированное положение по сравнению с дискурсом других. Напротив, его задача – освободить место для дискурса других. Это не значит, что ему следует молчать, ведь это граничило бы с мазохизмом... Его роль в том, чтобы открывать возможности в дискурсе и объединять собственный дискурс с дискурсом других, вплетать его в дискурс других»^[45].

Фуко признает, что без вмешательства интеллектуалов, «специалистов по дискурсу», никакие изменения в том, что он называет «режимом истины» в западных обществах, невозможны, и для того, чтобы сообщить власть словам заключенных, необходимо такое вмешательство. Однако он не делает решающего шага – не связывает самого этого вмешательства с отправлением власти, объектом которого неизбежно является речь заключенных, которую интеллектуалы стремятся легитимировать, распространить и ввести в порядок дискурса. На наш взгляд, именно здесь ключ к тем нормативным парадоксам, которые другие авторы, прежде всего Фрейзер и Хабермас, видят в теории власти Фуко.

Многие исследователи подчеркивают роль ГИТ в переходе Фуко от теоретического проекта археологии (1960-е) к проекту генеалогии (1970-е), от анализа дискурсов к анализу механизмов власти, практик и институций^[46]. В своей рецензии на «Надзирать и наказывать» (1975) Делёз указывает на непосредственную связь между ГИТ, активистским проектом, верным тому новому, что привнес 1968 год, а именно, новой постановке вопроса о власти, и новой концепцией власти, которую Фуко сформулировал в своей книге^[47]. Однако этот переход и это отношение к «наследию 1968 года» у Фуко являются гораздо более проблематичными, нежели это предстает в апологетическом прочтении Делёза.

Фуко приветствует новые формы борьбы и новую постановку вопроса о власти, навеянные событиями 1968 года, но отнюдь не разделяет характерного для этого периода «либертарного» понимания власти как репрессивной, негативной и подавляющей. Напротив, Фуко не устает подчеркивать продуктивный характер власти, тот факт, что власть производит дискурсы и субъективности, – но в этом и заключается проблема. Открытие новых политических областей, новых фронтов, имеющих отношение к повседневности, сексуальным отношениям, культуре, а не к тем традиционным точкам, вокруг которых велась борьба ранее (институты государственной власти), позволяет Фуко сформулировать его всеобъемлющую теорию власти. Однако именно универсальный характер этой теории размывает тот нормативный потенциал, который изначально заключался в этом открытии (борьба с «репрессивной» повседневностью, сексуальностью, культурой), и в этом плане, как ни парадоксально, у Фуко 1968 год в определенном смысле деполитизируется – настолько, насколько «политическим», то есть имеющим отношение к власти, произведенным властью, становится все что угодно, а значит – провести нормативную границу между подавлением и сопротивлением становится по сути невозможно. «Почему борьба предпочтительнее, чем подчинение? Почему доминирование должно быть отвергнуто?»^[48] – задается вопросом Фрейзер, и этот же вопрос повторяет Хабермас.

Но в период деятельности ГИТ власть предстает у Фуко отнюдь не нейтральным феноменом. Его возмущают гротескные проявления власти во французских тюрьмах, это заметно по интервью периода 1971–1972 годов, разговору с Делёзом, выступлению в защиту доклада Эдит Роз. При посещении американской тюрьмы «Аттика», где Фуко впервые лично столкнулся с более «технологичной», скрытой властью, основанной на паноптизме и изоляции (этот визит, несомненно, повлиял на содержание «Надзирать и наказывать»), он так же был возмущен изощренностью этой власти^[49]. Еще одним аргументом в пользу того, что в период ГИТ дисциплинарная власть в западных обществах предстает у Фуко негативным феноменом, служит заявление, которым сопровождалась первая брошюра в серии «Невыносимое», «Исследование 20 тюрем»:

«Невыносимы: суды, полицейские, больницы, психиатрические учреждения, школа, военная служба, пресса, телевидение, Государство»^[50].

Таким образом, с одной стороны, уже в период деятельности ГИТ Фуко считал, что знание, власть и истина образуют нерасторжимое единство, с другой, – воспринимал власть как негативное явление. Это приводило к противоречию, или, если продолжить метафору «реле» Делёза, – к «короткому замыканию», в результате которого Фуко вынужден был исключать из своего анализа собственную роль и роль активистов ГИТ, ведь иначе, в соответствии с собственной концепцией, ему пришлось бы признать, что ГИТ так же участвует в осуществлении власти, а это вывело бы на поверхность проблемы разграничения видов власти, нормативных компонентов теории власти, соотношения власти и освобождения, которых Фуко всегда стремился избежать. Фрейзер видела в этом «структурный» недостаток его концепции^[51]. Такое противоречивое отношение к собственной позиции, нежелание признать роль ГИТ в субъективировании заключенных (например, посредством анкет) вело к эссенциализации фигуры заключенного. Можно заключить, что понимание власти, над которым работал Фуко, с одной стороны, открывало новые познавательные возможности и способствовало выработке новых форм активизма, с другой, – приводило к собственным проблемам и апориям, неотступно преследовавшим теорию Фуко в 1970-х годах.

«В случае тюрем тем, против чего пытался бороться Фуко, были формы подчинения (*subjection*), конституировавшие заключенного как другого и обрекавшие его на жестокое обращение в тюрьме и маргинализацию, которая не прекращалась, когда он из нее выходил. Разумеется, политическая работа Фуко вокруг тюрем также включала определенные формы подчинения (*subjection*): она способствовала созданию новых идентичностей заключенных, когда те артикулировали свой опыт. Но, вместо того, чтобы изолировать заключенных от общества, эти формы подчинения (*subjection*), эти практики речи и создания нового знания о самих себе налаживали связи между заключенными и людьми “снаружи”»^[52].

В этом рассуждении, на наш взгляд, хорошо заметна парадоксальность теории власти Фуко. В рамках этой теории оба случая субъективации (*subjectivation*) / подчинения (*subjection*) являются структурно схожими, ведь власть всегда производит субъективности, и в этом смысле процедуры власти-знания в тюрьме не отличаются от процедур власти-знания ГИТ. Однако в первом случае происходит то, что в западной политической традиции

принято было называть подчинением, а во втором – освобождением. При изменении угла зрения эти практики, для Фуко идентичные, предстают диаметрально противоположными. Оба эти явления попадают в поле зрения Фуко, но различие между ними в его теории никак не артикулировано. Трудность мышления эмансипации, освобождения в рамках теории Фуко подчеркивает и Хабермас:

«Кроме субъекта и объекта Фуко выбрасывает за борт интуицию свободы и освобождения, оставляя на первом плане только способы принуждения, которыми располагает философия субъекта»[\[53\]](#).

Выход из этого тупика, по-видимому, намечен в позднейших текстах и лекциях Фуко 1980-х, посвященных «практикам себя».

Заключение

Активизм Фуко и его размышления о новом соотношении теории и практики, новой роли интеллектуалов – продукт своего времени. Послевоенная французская интеллектуальная сцена была, с одной стороны, традиционно крайне политизирована, с другой, эта политизация принимала специфические формы членства во Французской коммунистической партии или интеллектуального профетизма сартровского образца. В обоих случаях упор делался на политику репрезентации, когда интеллектуал выступал представителем и проводником неких универсальных идей, а отношение между интеллектуалом и «массами» было строго иерархическим. Институциональные привилегии и высокий общественный статус способствовали превращению интеллектуалов в особую группу, за которой признавалось (и которая признавала за собой) абсолютное право на нормативные, предписывающие высказывания – право судить, – пусть даже с леворадикальных позиций. В этих условиях многие интеллектуалы, и среди них Фуко и Делёз, стремились найти новые формы мышления и действия, отвоевать пространство, занятое иерархической политикой репрезентации.

Эта тенденция не была уникальной. Так, в Италии, где так же преобладал «авангардизм» Итальянской коммунистической партии, группа левых интеллектуалов-операистов (от ит. *operaio* – рабочий) с начала 1960-х годов развивала концепцию «активистского

исследования», опрашивая заводских рабочих у проходных и стремясь превратить само исследование в инструмент борьбы. Рабочие, по мысли операистов, выступали и объектом, и субъектом исследования. Практика «активистского исследования» была так же вдохновлена «Анкетой для рабочих» Маркса^[54].

Политически ГИТ была успешным проектом. Вот как говорил об этом Фуко в интервью, опубликованном 19 марта 1971 года, в разгар деятельности Группы:

«Готовя первое собрание, мы позвонили судье, и он пришел не один. Мы позвонили тюремному священнику, и он тоже пришел не один. Позвонили психологу – то же самое. Просто лесной пожар»^[55].

Динамика развития Группы подтверждала его слова. Спустя всего несколько месяцев после своего создания входившие в нее локальные объединения появились по всей стране, а в Париже удавалось проводить многотысячные манифестации. Деятельность Группы привела к росту активности заключенных, созданию их собственной организации. Работа Группы также имела непосредственные практические результаты. К примеру, активистам удалось добиться того, чтобы в тюрьмы разрешили доставлять свежую прессу.

Концепция «специфических интеллектуалов» Фуко стала важным вкладом в дискуссию о формах ангажированности и со временем отнюдь не потеряла актуальности. Основной тенденцией развития западных обществ в XX – начале XXI веков, верно определенной Фуко, был рост влияния интеллектуалов во всех сферах жизни, доминирование интеллектуального «производства» в экономике и превращение интеллектуального труда в преобладающую форму экономической активности. Продолжается политизация «региональных» профессиональных областей, все новые специальности политизируются – в частности, профессии программиста, ИТ-специалиста, которые оказываются вовлечены в конфликт вокруг права на свободное распространение информации.

В то же время концепция политического участия интеллектуалов, предложенная Фуко, обладает рядом ограничений. Она воспроизводит эссенциализирующий жест по отношению к «угнетенным», наделяя их изначальной субъектностью, и эту опасность всегда следует учитывать. Данная концепция также должна быть дополнена анализом роли самих интеллектуалов,

осуществляемой ими коммуникативной гегемонии в рамках движения (а не только в обществе в целом):

«[Радикальная] практика должна удерживать в поле зрения проявления собственной власти, если она стремится избежать упования на иллюзорную политику представляющих самих себя, говорящих сами за себя угнетенных»^[56].

Наконец, стратегический политический анализ вряд ли может быть основан на том понимании власти, которое Фуко развивал в 1970-х годах. Это понимание иногда представляется как аналитическая экспансия, расширение сферы явлений, доступных для исследования, но в реальности эта специфическая точка зрения делает невидимыми целые области. Речь идет, с одной стороны, о семиотических аспектах политики, которые анализирует, к примеру, Эрнесто Лаклау, с другой, – о ее нормативных компонентах, «нюансах нормативности» (Фрейзер), проблематике эмансипации, освобождения. Нам представляется необходимым наведение мостов между этими областями, но не с целью создания «всеобщей» теории политики, а в рамках анализа, ориентированного на практику.

В статье, посвященной современному социальному движению интеллектуальных и творческих работников с непостоянной занятостью, Антонелла Корсани возвращается к концепции универсальных и специфических интеллектуалов Фуко. Корсани участвует в этом движении как исследователь. Так же, как и Фуко, она отвергает роль универсального интеллектуала. Позицию, которую у Фуко занимали заключенные, Корсани обозначает как «заинтересованные группы» (участников движения)^[57]. Она отмечает, что производство «трансверсальных связей от одного знания к другому» между «специфическими интеллектуалами» и «заинтересованными группами» – ежедневный вызов: необходимо избежать риска возвращения к фигуре «признанного эксперта» или, что еще хуже, «универсального интеллектуала», но так же и риска романтической идеализации меньшинств, или «заинтересованных групп»^[58]. Таким образом, ограничения концепции Фуко для Корсани преодолеваются практически, путем участия в движении и постоянной рефлексии. Этот пример свидетельствует о том, что позиция ангажированного политического участия не может быть «найдена» или воспроизведена по заданному образцу. Она должна переизобретаться заново в каждой конкретной ситуации, и опыт Фуко служит здесь ориентиром – но не универсальным рецептом.

^[1] Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Le Groupe d'information sur les prisons: archives d'une lutte, 1970–1972*. Paris: IMES, 2003. P. 315.

^[2] «Международной Красной помощью» называлась в европейских странах Международная организация помощи борцам революции (МОПР). Эта организация была создана по решению IV Конгресса Коминтерна в 1922 году. «МОПР является организацией внепартийной и ставит своей задачей юридическую, моральную и материальную помощь заключенным борцам революции, их семьям и детям, а также семьям погибших товарищей» (*Коммунистический Интернационал в документах 1919–1932*. М.: Партиздат, 1993).

^[3] Фуко М. *О народном правосудии. Спор с маоистами // Он же. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2002. Т. 1. С. 19–66.

^[4] См.: Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 317.

^[5] Мишель Фуко – не только философ (Группа информации по тюрьмам). *Лекция Александра Бикбова*. Владимир: Владимир-Полиграф, 2008. С. 57.

^[6] Там же.

^[7] Там же. С. 15.

^[8] См.: Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 55–62.

^[9] *Enquête dans 20 prisons*. Paris: Éditions Champ libre, 1971.

^[10] Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 318.

^[11] Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 233–241.

^[12] Молина М. *Общие понятия, часть 2: институциональный анализ, совместное исследование-действие, активистское*

- [13] Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 53.
- [14] Фуко М. *Интеллектуалы и власть* // Он же. *Интеллектуалы и власть...* С. 66–81.
- [15] *Le G.I.P. enquête dans une prison modèle, Fleury-Mérogis.* Paris: Éditions Champ libre, 1971.
- [16] *L'Assassinat de George Jackson.* Paris: Gallimard, 1971.
- [17] *Suicides de prison, 1972.* Paris: Gallimard, 1973.
- [18] Kiefer A. *Michel Foucault, le GIP, l'histoire et l'action.* Amiens: Université de Picardie Jules Verne, 2006 (<http://detentions.files.wordpress.com/2009/03/audrey-kiefer-foucault-le-...>).
- [19] Мишель Фуко – не только философ... С. 17.
- [20] Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 168.
- [21] Ibid. P. 168.
- [22] Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения.* Екатеринбург, 2007. С. 5–11. Фуко написал к этой книге предисловие.
- [23] Фуко М. *Интеллектуалы и власть...* С. 66.
- [24] Там же. С. 67.
- [25] Там же.
- [26] Там же. С. 68.
- [27] Там же. С. 69.
- [28] Там же. С. 70.
- [29] Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977.* New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1980. P. 125–126.

[30] Фуко М. *Политическая функция интеллектуала* // Он же. *Интеллектуалы и власть...* С. 201.

[31] См.: Дмитриев Т.А. *Антонио Грамши* // *История и теория интеллигенции и интеллектуалов* / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 207–228.

[32] Фуко М. *Политическая функция интеллектуала*. С. 204.

[33] Там же. С. 205.

[34] Там же. С. 206.

[35] Там же. С. 209.

[36] Bourg J. *From Revolution to Ethics: May 1968 and Contemporary French Thought*. Montreal-Ontario: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 46.

[37] Цит. по: Ibid. P. 278.

[38] Rancière J. *Althusser's Lesson*. London; New York: Continuum, 2011. P. 76.

[39] Фуко М. *Политическая функция интеллектуала*. С. 209.

[40] Матвеев И. *Альтюссер: политика теории* // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 85. С. 55–73.

[41] Spivak G.Ch. *Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea*. New York: Columbia University Press, 2010. P. 34.

[42] Foucault M. *Power/Knowledge...* P. 117.

[43] Фуко М. *Интеллектуалы и власть...* С. 68.

[44] Спивак Г.Ч. *Могут ли угнетенные говорить* // *Введение в гендерные исследования. Ч. 2* / Под ред. С. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 661, 655.

[45] Цит. по: Brich C. *The Groupe d'information sur les prisons: The voice of prisoners? Or Foucault's?* // *Foucault Studies*. 2008. № 5. P. 36.

[46] См.: Мишель Фуко – не только философ... С. 19–21.

[47] Делёз Ж. Фуко. М., 1998.

[48] Цит. по: Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. М., 2003. С. 295.

[49] *Michel Foucault on Attica: An Interview* // Telos. 1974. № 19. P. 154–161.

[50] Artières P., Quéro L., Zancarini-Fournel M. (Eds.). *Op. cit.* P. 80.

[51] Fraser N. *Foucault on Modern Power: Empirical Insights and Normative Confusions* // PRAXIS International. 1981. № 3. P. 272–287; см. также перевод данной статьи в этом номере «НЗ». – *Примеч. ред.*

[52] Gandal K. *Michel Foucault: Intellectual Work and Politics* // Telos. 1986. March 20. P. 121–134; цит. по: Brich C. *Op. cit.* P. 45.

[53] Хабермас Ю. *Указ. соч.* С. 303.

[54] См.: Молина М. *Указ. соч.*

[55] <http://index.org.ru/journal/7/fuko86.html>.

[56] Цит. по: Brich C. *Op. cit.* P. 45.

[57] Corsani A. *Knowledge Production and New Forms of Political Action. The Experience of the Intermittent Workers in France* // Transversal. 2006. № 4 (<http://eipcp.net/transversal/0406/corsani/en>).

[58] Ibid.